

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-9-19

EDN: GAYYZV

Editorial article / Редакторская статья

"How Should We Live in Russian Society?" Reading Tishkov

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ bakhtikireeva-um@rudn.ru

For citation: Bakhtikireeva, U.M. 2026. "How Should We Live in Russian Society?" Reading Tishkov." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 9–19. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-9-19> EDN: GAYYZV

«Как нам жить в российском обществе?». Читая Тишкова

У.М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ bakhtikireeva-um@rudn.ru

Для цитирования: Бахтикиреева У.М. «Как нам жить в российском обществе?». Читая Тишкова // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-9-19> EDN: GAYYZV

Dear Authors and Readers!

This is the first issue of the journal "Polylinguality and Transcultural Practices" (PTP) for 2026. The editorial board and editorial staff would like to express their sincere gratitude to the authors of this issue for their contribution to the development of polylinguality and understanding of transculturation processes. Based on Lotman's concept of polylinguality as a cultural quality that does not have a once and for all "monolithic" form, we continue to attempt to comprehend and describe the fluidity and mutual adaptability of the multitude of linguistic and non-linguistic worldviews that are transforming the global semiosphere. Yu.M. Lotman's ideas about fluidity — the ability of objects, phenomena, processes (cultural norms, rituals, customs, traditions) to change under the influence of

© Bakhtikireeva U.M., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

internal and external factors, as well as ideas about the mutual adaptability of structures of the same order (languages, literatures, myths) — are embodied in the works of our authors. This is evidenced, in particular, by thematic issues of PTP, research in periodicals, and special scientific seminars organised by the PTP editorial board with authors and readers.

The prospect of studying languages, linguistic situations, literatures and, more broadly, the cultures of the peoples of the Russian Federation, as well as countries near and far abroad, remains a long-term project for us, with no end in sight. We are preparing the second issue of PTP for 2026 with colleagues from the Komi Republic, a thematic issue is planned with colleagues from the Republic of Ingushetia, and negotiations are underway with colleagues from neighbouring countries such as Abkhazia and South Ossetia, among others. This direction is fully supported by the Institute of the Russian Language at RUDN University, which is responsible for PTP.

At the same time, studying the interaction and mutual influence of cultural elements and its dynamic state by examining texts that define the worldview values of culture (sacred, ethical-normative, poetic, scientific) cannot be done within the narrow confines of a single discipline or only disciplines in the philological cycle. It seems that the time has come for a more curious look at the contents of “other people’s sleighs.” Closer ties with other disciplines are necessary if only because among the members of our editorial board and readers — colleagues — there are authors of studies carried out from the perspective of *linguistic anthropology* and *cognitive poetics*. Extremely valuable for language teaching methodology, in particular for teaching Russian as a foreign language, *linguistic culturology* is less productive for understanding the problematic field of multilingualism and the processes of transculturation, which are promising to consider by drawing on knowledge from *ethnology (ethnography)*, *socio-cultural anthropology*, *culturology*, and *cognitology*.

In light of the above, I propose a kind of contest¹ platform in the pages of PTP, aimed at increasing the effectiveness of philological research through the accumulated knowledge in the above-mentioned areas of knowledge. Given the changes in the codes for scientific specialities approved in the nomenclature (Order of the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation No. 118 of 24 February 2021, as amended on 24 July 2023), and the passports for scientific specialities in the field of philology, the proposal seems relevant. Taking into account the specialities for which PTP is included in the list of the Higher Attestation Commission, we are sorely lacking research on the theory and history of culture and art (5.10.1. — cultural studies, art history, philosophical sciences) from a philological perspective. Research in the specialities (5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.8) could be more productive if knowledge from both the above-mentioned fields

¹ Contest — a dispute, discussion, dialogue.

and others were to be drawn upon. Taking into account the developments conducted by some RUDN linguists in the field of Russian language — translingualism and Russian-language fiction created by non-Russian authors, dissertations on the topics of Russian-foreign bilingualism, the relationship between ethnic and linguistic identity of bilingual and multilingual poets and writers, and the expression of ethnic self-identification in Russian-language texts, I propose to devote the special issue (No. 4, 2026) to discussing the content of a fundamental monographic work by a member of our editorial board, the distinguished scholar, historian, ethnologist, and anthropologist Valery Alexandrovich Tishkov, “Essays on the Theory of Ethnicity: A Revision of Categories and Practices.”² I believe that this choice is justified. I believe that the works of scholars who shape the life of our journal should be among the first to be discussed.

The content of this scientific publication “about the time we have lived and are living in native ethnological and anthropological knowledge,” notes V.A. Tishkov, “may be useful reading” for future generations of researchers, but for “the current generation, it is a big question.”³ What is the reason for this conclusion? Will we, the current philologists, be able to extract something useful from a monograph that provides a critical assessment of old ethnological concepts and new scientific conclusions about different forms of identity, in particular ethnic and linguistic identity? Will the interpretation of ethnicity proposed by scholars, taking into account different schools and trends as well as contemporary political, strategic, informational and communicative transformations, contribute to the effectiveness of philological research? Do we agree with the assessment of the practices of categorising ethnicity formulated by V.A. Tishkov, including through an analysis of the procedures for conducting population censuses in the Russian Federation and other countries, and with the assessments of the language situation and language policy in our country? Are linguists, literary scholars, and cultural studies scholars acceptable to the scientist’s interpretation of the phenomenon of ethnicity as a cluster of personal and group affiliations based on cultural similarities?

After reading the monograph several times, it seems that all the categories analysed by the author are in one way or another related to the intellectual pursuits of linguists (socio-, ethno-, psycho-, etc.), literary scholars who study, analyze, systematise and describe literary works taking into account their cultural and historical value, and cultural scholars working in the field of interdisciplinary research into the specific characteristics of human existence. My conviction about the necessity of such a project for us and for the life of PTP is based on a careful study of the book by one of our country’s greatest scholars, an academician widely known far beyond the borders of Russia.

² Tishkov V.A. *Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices*. Moscow: Nauka, 2025.

³ *Ibid.*, p. 6.

My desire to write a review without delay was not realized in written form due to my awareness of my insufficient professional competence. It seemed that the opinion of an ordinary professor of philology, primarily a linguist, commenting on the work of a world-renowned specialist in the field of ethnology and socio-cultural anthropology, winner of two State Prizes for his contribution to science (2001, 2014) and the Demidov Prize, recognized by the domestic scientific community as the most prestigious non-governmental award, holder of the Grand Gold Medal of the Russian Geographical Society, scientific director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, would appear amateurish. And not only unprofessional and amateurish, but also perfunctory — as reviews of published scientific works sometimes appear, which their authors needed for the sake of formality, just like the reviews themselves.

One could write a review or article on a separate section of the monograph, especially since it is structured in such a way that each of its five parts can be regarded as independent, as a separate segment of the whole text. However, the difficulty lies in the fact that each part is ontologically linked to the next by a horizontal semantic connection and a clearly expressed authorial position. Each reference to the book led to the conclusion that the work presented is not a dry scientific text with a rigid focus on the formulation of strictly objective data. Returning to individual parts of the book related to the categories of “ethnos,” “ethnicity,” “ethnic identity,” “language policy”, etc., first of all provoked curiosity about the image of its author, his subjectivity, and the process of realizing his professional and personal existence.

The image of the author of a scientific text, I believe, is relevant to every colleague who critically reflects on their existence, at least those involved in PTP. Quite a few members of the editorial board and our authors have thought about revising their research path. In any case, I am forced to admit that throughout my journey, I have disgraced myself more than once by “handing out slaps” to those who prefer to wander collectively because it is safer that way. Based on the proposed project, in order to provoke interest in it, I consider it necessary to share my own thoughts, which have developed at this point, about the image of the author of the scientific text proposed for discussion.

Some philologists might say that the literary and linguistic category of *the author's image* should only be applied when analyzing autobiographical, lyrical works, where the author's personality is, in fact, the theme and subject. However, V.A. Tishkov's monograph seems to me to be entirely biographical. In this case, the author of the scientific research is a real person with his own beliefs, worldview, and life experience — a biographical author. The inclusion in a scientific book of important events related to education, work, and achievements cannot be separated from the facts of personal life. I include among these the accusation against the scholar of having entered the institute on his high horse and allegedly abolishing

the concept of “ethnos.”⁴ Do the unflattering accusations of politicization of scientific positions, the sight of a demonstrative picket outside the building of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences by members of the Youth Eurasian Union with black banners and posters saying “Tishkov is an American spy!”, “Tishkov against the Russian people!”, “Gumilev against Tishkov!”⁵ receiving a threatening warning from neo-Nazi M.S. Martsinkevich (nickname — Tesak⁶), inclusion of his surname in the list of “100 enemies of the Russian people”⁷ and others that cause emotional tension and remain in the memory of V.A. Tishkov affect personal life — the existence of a person? Does the categorical rejection of the positions of other colleagues (in the monograph, L.N. Gumilev comes under serious attack) characterize the subject of scientific research? The answer is obvious — it does.

The emergence of a number of philological works, in particular by O.I. Valentinova and her students (Van Lele et al.), allows us to regard the image of the author of a scientific book as a calling card of the scientist's personality, characterizing the personality itself and deepening our understanding of the object studied by this scientist:

“What scientists prefer to write about at the final stage of their careers: either memoirs or postponed plans that they would like to realize. In any case, there is also a motive to affirm one's own scientific achievements and shame one's critics. Rarely does anyone have the courage to write about the errors or weaknesses of their publications and the inadequacy of their actions in the scientific community. However, from apologetic texts, one can also learn and understand a lot about how a particular science developed and what life was like at a scientific institute.”⁸

This admission, especially the part about the courage to “write about the errors or weaknesses of one's publications,” already appeals to me as a reader and researcher. It can be said that with this remark, V.A. Tishkov a priori transforms the reader from a consumer of knowledge into an interlocutor who is willing to listen respectfully even to conclusions that contradict his position. The recognition of his own research mistakes, I think, does not imply the end of Tishkov's non-linear narrative and the authenticity of the scientific and creative personality — the existential viability of the author — a citizen, his ability to be completely open to the world.

Interacting in V.A. Tishkov's practical experience, the historian, ethnologist, and social anthropologist appear before me not in the collective image of a “classical bonze” and edifying teacher with orderly presented knowledge, but as the

⁴ Tishkov V.A. 2025. *Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices*. Moscow: Nauka, p. 4.

⁵ Ibid., p. 6.

⁶ Lit., *The Cleaver*.

⁷ Ibid., p. 5.

⁸ Ibid., p. 4.

subject of a scientific text with unique individual experience, free both in his choice of reaction to external events and his attitude towards himself and others, and in his understanding of the responsibility behind this freedom, for the consequences, for how his “word will be received.” That is what I think now.

Existential fulfilment is a person’s understanding of life, their ability to live in inner harmony, to be consistent with their decisions, actions and deeds. It manifests itself in how a person responds to existential challenges. One such challenge is the question posed by the author on the last page of the monograph: “How should we live in Russian society?” and the modest answer: “something was said in my book.”⁹ So, is the author imposing his answers, considering his conclusions and statements to be completely objective? Does he encourage us to search for our own answers?

I think I’ve managed to spark my colleagues’ intellectual curiosity, and our project will be a success. I’ve come up with a working title for my article in issue 4 of PTP: “What is the ‘native language’ of an ethnically non-Russian Russian citizeness?”¹⁰ The project will go ahead because behind this book, whose publication is motivated not only by new ideas and findings, but also by “the motive of belated explanations”¹¹ and reflection on “the shortcomings of the dominant theory of social constructivism” in ethnological and anthropological knowledge, there is a living person. Behind this book is a researcher-subject, an author-citizen with an impartial polemical voice, an admission of guilt for the “sharp and even provocative format of scientific revision” in some publications,¹² the search for truth and concern for the present and future of his country, and hope for understanding on key issues that are crucial for science and the country.

RU

Уважаемые Авторы и Читатели!

Перед вами первый номер журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» (ПТП) за 2026 г. Редакция и редакционная коллегия тепло благодарит авторов настоящего номера за вклад, внесенный в развитие полилингвильности и понимания процессов транскulturации. Отталкиваясь от лотмановской концепции полилингвильности как качества культуры, не имеющей раз и навсегда вылитой «монолитной» формы, мы продолжаем осуществлять попытку осмысления и описания текучести и взаимоприспосабли-

⁹ Tishkov V.A. *Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices*. Moscow: Nauka, 2025. P. 264.

¹⁰ There is a play on words ‘нерусская россиянка’ based on formal similarities of the two terms in the original name of the mentioned article.

¹¹ Ibid. P. 5.

¹² Ibid. P. 6.

емости множества языковых и внеязыковых картин мира, которые трансформируют глобальную семиосферу. Идеи Ю.М. Лотмана о текучести — способности объектов, явлений, процессов (культурные нормы, ритуалы, обычаи, традиции) меняться под воздействием внутренних и внешних факторов, как и идеи о взаимоприспособляемости структур одного порядка (языки, литературы, мифы), находят свое воплощение в работах наших авторов. Свидетельством тому являются, в частности, как тематические выпуски ПТП, так и исследования в периодических номерах, а также специальные научные семинары редакции ПТП с авторами и читателями.

Перспектива изучения языков, языковых ситуаций, литератур и шире — культур прежде всего народов Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья остается для нас долгосрочным проектом, не имеющим принципиального завершения. Второй номер ПТП за 2026 г. мы готовим с коллегами из Коми Республики, планируется тематический номер с коллегами из Республики Ингушетия, идут переговоры с коллегами из стран ближнего зарубежья Абхазии и Южной Осетии и др. Это направление всемерно поддерживается Институтом русского языка РУДН, в чьем ведении находится ПТП.

Вместе с тем изучение взаимодействия и взаимовлияния элементов культуры, её динамичного состояния посредством исследования текстов, определяющих мировоззренческие ценности культуры (сакральные, этико-нормативные, поэтические, научные), невозможно представить в рамках узконаправленных координат одной дисциплины или только дисциплин филологического цикла. Как представляется, назрела ситуация более любопытного взгляда на содержимое «чужих саней». Более тесные связи с другими дисциплинами необходимы уже потому, что среди членов нашей редколлегии и читателей-коллег есть авторы исследований, выполненных с позиций *лингвистической антропологии* и *когнитивной поэтики*, хотя авторы упоминают чаще всего лингвистическую культурологию — дисциплину, развивающуюся в российской и постсоветской лингвистике более 30 лет. Чрезвычайно ценная для методики преподавания языков, в частности — русского как иностранного, *лингвистическая культурология* менее продуктивна для понимания проблемного поля полилингвильности и процессов транскulturации, которые перспективно рассматривать, привлекая знания из *этнологии* (*этнографии*), *социально-культурной антропологии*, *культурологии*, *когнитологии*.

В свете сказанного предлагаю своего рода контекст¹-площадку в номерах ПТП, преследующую своей целью увеличение эффективности филологических исследований за счет накопленных знаний в вышеназванных сферах знания. Учитывая изменившиеся шифры научных специальностей, утвержденных в номенклатуре (Приказ Министерства науки и высшего образования № 118 от 24.02.2021 с редакцией от 24.07.2023), паспорта научных специаль-

¹ Контекст — зд. спор, дискуссия, полилог.

ностей в области филологии, выдвинутое предложение представляется актуальным. С учетом специальностей, по которым ПТП включен в перечень ВАК, нам крайне не достает исследований по теории и истории культуры, искусства (5.10.1. — Культурология, искусствоведение, философские науки) в филологическом преломлении. Исследования же по специальностям (5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.8), как представляется, могут стать более продуктивными в случае привлечения знаний как из отмеченных отраслей знания, так и других. Принимая во внимание разработки научной школы РУДН в области русскоязычия — транслингвизма и русскоязычной художественной литературы, создаваемой нерусскими авторами, защит диссертаций на темы русско-инонационального двуязычия, соотношения этнической и языковой идентичности би- и транслингвальных поэтов, писателей и выражение этнической самоидентификации в русскоязычном тексте, предлагаю посвятить специальный номер (№ 4, 2026) обсуждению содержания фундаментального монографического труда члена нашей редколлегии, крупного учёного, историка, этнолога, антрополога Валерия Александровича Тишкова «Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик»². Думается, что такой выбор оправдан. Считаю, что труды учёных, определяющих жизнь нашего журнала, прежде всего должны стать в ряду первых для обсуждения.

Содержание этого научного издания «о прожитом и проживаемом нами времени в отечественном этнологическом и антропологическом знании», — отмечает В.А. Тишков, «может быть полезное чтение» для будущих поколений исследователей, а для «нынешнего — большой вопрос»³. Чем обусловлен такой вывод? Сможем ли мы — нынешние филологи извлечь для себя полезное из монографии, в которой дается критическая оценка старых этнологических концепций и новых научных выводов о разных формах идентичности, в частности этнической и языковой? Пospособствует ли повышению эффективности филологических исследований предлагаемая учёным трактовка этничности с учетом разных школ и направлений и современных политико-стратегических и информационно-коммуникативных трансформаций? Согласимся ли мы с оценкой практик категоризации этничности, сформулированных В.А. Тишковым в том числе посредством осмысления процедур переписей населения в РФ и других странах, и оценками языковой ситуации и языковой политики в нашей стране? Приемлемы ли для лингвистов, литературоведов, культурологов трактование учёным феномена этничности как кластера личностных и групповых сопричастностей на основе культурных схожестей?

Как представляется после неоднократного прочтения монографии, в совокупности все категории, подвергающиеся аналитическому осмыслению её

² Тишков В.А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик. Москва : Наука, 2025.

³ Там же. С. 6.

автором, так или иначе сопряжены с интеллектуальными поисками лингвистов (социо-, этно-, психо- и др.), литературоведов, изучающих, анализирующих, систематизирующих и описывающих литературные произведения с учетом их культурно-исторической ценности, культурологов, работающих в области междисциплинарных исследований специфической характеристики бытия человека. Моя уверенность о необходимости такого проекта для нас и для жизни ПТП основана на внимательном изучении книги крупнейшего учёного нашей страны и широко известного далеко за её пределами академика.

Желание, не откладывая написать рецензию, не воплощалось в письменной форме от осознания недостаточной профессиональной компетенции. Казалось, что мнение рядового профессора-филолога, преимущественно лингвиста, высказывающегося о труде известного в мировом масштабе специалиста в области этнологии и социально-культурной антропологии, лауреата двух Государственных премий за вклад в науку (2001, 2014) и Демидовской — признанной отечественным научным сообществом самой почётной неправительственной премией, обладателя Большой золотой медали Русского географического общества, научного руководителя Института этнологии и антропологии Российской академии наук — будет выглядеть дилетантским. И не только непрофессиональным, любительским, но и дежурным — как порой выглядит рецензия на вышедшее в свет научное издание, которое необходимо было его автору для «галочки», так же как и рецензия.

Можно было бы написать рецензию или статью на отдельный раздел монографии, тем более что она оформлена таким образом, что каждая из пяти её частей может расцениваться как самостоятельная, как отдельный сегмент целого текста. Но воздержалась потому, что одновременно каждая из частей онтологически спаяна с последующей горизонтальной смысловой связью и отчетливо выраженной авторской позицией. Каждое обращение к книге подводило к выводу о том, что представленный труд не есть сухая материя научного текста с жесткой заданностью на формулирование строго объективных данных. Возвращения к отдельным частям книги, связанным с категориями «этнос», «этничность», «этническая идентичность», «языковая политика» и др., прежде всего провоцировали любопытство к образу её автора, его субъектности, к процессу реализации профессионального и личностного его бытия.

Образ автора научного текста, как полагаю, актуален для каждого критически осмысляющего свое бытие коллеги, по крайней мере причастного к ПТП. Отнюдь не малому количеству членов редколлегии и наших авторов приходит мысль о ревизии своего пройденного исследовательского маршрута. Во всяком случае, вынуждена признать то, что на протяжении своего маршрута не раз случалось «давать петуха» и «раздавать тумак» тем, кто предпочитает блуждать коллективно, потому что так безопаснее. Отталкиваясь от предложенного проекта, для провоцирования интереса к нему, почина его считаю необходимым здесь поделиться собственными размышлениями, сложив-

шимися на данный момент об образе автора предлагаемого к обсуждению научного текста.

Некоторые филологи могли бы сказать, что литературоведческую и лингвистическую категорию *образ автора* следует применять только при анализе автобиографического, лирического произведения, где личность автора — собственно — тема и предмет. Но монография В.А. Тишкова представляется мне вполне автобиографической. В данном случае автор научного исследования — реальный человек с его убеждениями, мировоззрением, жизненным опытом — автор биографический. Включение в научную книгу важных событий, связанных с образованием, работой, достижениями, невозможно не отнести к фактам личной жизни. К таковым отношу обвинение в адрес учёного как о въехавшем в институт на белом коне и якобы упразднившим понятие «этнос»⁴. Не влияют ли на личную жизнь — на бытие человека вызывающие эмоциональное напряжение и сохраняющиеся в памяти В.А. Тишкова нелицеприятные обвинения в политизированности научных позиций⁵, лицемерие демонстративного пикета у здания Института этнологии и антропологии РАН членов Молодежного евразийского союза с черными знаменами и плакатами типа «Тишков – американский шпион!», «Тишков против русского народа!», «Гумилев против Тишкова!»⁶, получение грозного предупреждения от неонациста М.С. Марцинкевича (прозвище — Тесак), включение фамилии в список «100 врагов русского народа»⁷ и др.? Не характеризует ли субъекта научного исследования категорическое неприятие позиций других коллег (в монографии под «серьезную раздачу» попадает Л.Н. Гумилев)? Ответ очевидный.

Появление ряда филологических работ, в частности О.И. Валентиновой и её учеников (Ван Лэлэ и др.), позволяет расценивать категорию образа автора научной книги в качестве визитной карточки личности учёного, характеризующей саму личность и углубляющей представления об объекте, изучаемом этим учёным:

«О чём учёные предпочитают писать на завершающей стадии своей карьеры: это или мемуары, или отложенные замыслы, которые хотелось бы реализовать. В любом случае присутствует и мотив утверждения собственных научных достижений и посрамления критиков. И редко кому хватает духа писать о заблуждениях или слабостях своих публикаций и неадекватности действий в среде научного сообщества. Однако из оправдательных текстов также можно многое узнать и понять, как развивалась та или иная наука и какой была жизнь научного института»⁸.

⁴ Тишков В.А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик. Москва : Наука, 2025. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. С. 4.

Это признание, особенно в части смелости «писать о заблуждениях или слабостях своих публикаций», уже привлекает меня — читателя и исследователя. Можно сказать, что этим замечанием В.А. Тишков априори превращает читателя из потребителя знания в собеседника, настроенного уважительно слушать даже те выводы, которые идут вразрез с его позицией. Признание собственных исследовательских промахов, думаю, не предполагает завершение тишковского нелинейного нарратива и подлинности бытия научно-творческой личности — экзистенциальной состоятельности автора — гражданина, его способности быть открытым миру полностью.

Взаимодействующие в деятельностном опыте В.А. Тишкова историк, этнолог, социальный антрополог предстают передо мной отнюдь не в собирательном образе «классического бонза» и назидательного учителя с упорядоченностью подаваемых знаний, но в образе субъекта научного текста с неповторимым индивидуальным опытом, свободного как перед выбором реакции на внешние события и отношения к себе и другим, так и пониманием ответственности, стоящей за этой свободой, за последствия, за то, как его «слово отзовется». Так мне думается сейчас.

Экзистенциальная исполненность — это осмысленность человеком жизни, его способность бытовать с внутренним согласием, соответствовать своим решениям, действиям, поступкам. Она проявляется в том, как человек отвечает на экзистенциальные вызовы. Одним из таких вызовов является вопрос, выдвинутый автором на последней странице монографии: «Как нам жить в российском обществе?» и скромный ответ: «...кое-что было высказано в моей книге»⁹. Так вот, не навязывает ли автор свои ответы, не считает ли свои выводы и утверждения полностью объективными? Способствует ли поиску наших собственных ответов?

Хочется надеяться, что интеллектуальное любопытство своих коллег мне удалось подогреть и наш проект состоится. Рабочее название своей статьи в четвертый номер ПТП сформулировала: «Какой „родной язык“ у нерусской россиянки». Проект состоится и уже потому, что за этой книгой Тишкова, выход в свет которой обусловлен не только новыми идеями и наработками, но «мотивом запоздалых разъяснений»¹⁰ и рефлексией «на недостатки доминирующей теории социального конструктивизма» в этнологическом и антропологическом знании — живое лицо. За этой книгой исследователь-субъект, автор-гражданин с небеспристрастным полемичным голосом, признанием своей вины из-за «резкого и даже вызывающего формата научной ревизии» в некоторых публикациях¹¹, поиском истины и тревогой за настоящий и завтрашний день своей страны, надеждой на понимание узловых, судьбоносных для науки и для страны вопросах.

⁹ Тишков В.А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик. Москва : Наука, 2025. С. 264.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 6.